

DOI: 10.31857/S013038640016152-5

© 2021 г. Т.Л. ЛАБУТИНА

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И РОССИЯ НА ПУТИ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1720–1731 годы)

Лабутина Татьяна Леонидовна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока (Москва, Россия).

E-mail: tlabutina2007@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2609-4175

Аннотация. Англия была первым государством, с которым Россия установила дипломатические отношения 465 лет тому назад. За это время страны прошли сложный и тернистый путь взаимодействия. Нередко между ними возникали открытые военные конфликты, а порой дело доходило до разрыва дипломатических отношений, что и произошло в период правления Петра I 14 декабря 1720 г. Хотя дипломатические отношения были прерваны, однако торговля между государствами продолжала развиваться, но не в прежнем объеме, что наносило весомый урон экономике Англии. Поэтому британцы стали предпринимать активные шаги для налаживания дипломатических отношений. На основании анализа переписки британских дипломатов Т. Уорда и К. Рондо с государственным секретарем Великобритании, впервые принятого в исторической науке, автор приходит к выводу, что именно английская сторона явилась инициатором возобновления дипломатических отношений прежде всего для укрепления позиций английского купечества в России. Анализ депеш послов позволил составить представление о стратегии и тактике британского внешнеполитического ведомства в отношении России в правление Анны Иоанновны, а также выяснить мотивы, которыми руководствовались дипломаты, участвующие в подготовительном процессе налаживания отношений между странами. Переписка дипломатов дает возможность ознакомиться как с их официальной, так и «тайной» – разведывательной деятельностью, что позволяет сделать вывод об истинных намерениях британской дипломатии: всесторонне изучить потенциального противника, каким представлялась Россия. Бесспорный интерес у наших современников вызовет сведения послов о том, как проходила их миссия, какие впечатления они вынесли из своего визита в нашу страну, какие оценки составили о первых лицах в управлении Российской империи, а также о русском народе в целом.

Ключевые слова: Великобритания, Россия, XVIII в., дипломаты, торговля, этнические представления, международные отношения, внешняя политика.

T.L. Labutina

Great Britain and Russia on the Way to Restoring Diplomatic Relations (1720–1731)

Tatiana Labutina, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: tlabutina2007@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2609-4175

Abstract. The article deals with the process of restoring diplomatic relations between Great Britain and Russia in the first third of the 18th century. England was the first country with which Russia established diplomatic relations 465 years ago. During this time, the countries have passed a difficult and thorny

path of interaction. Often there were open military conflicts between them, and sometimes it simply came to the severance of diplomatic relations. One of these events occurred in the reign of Peter I on 14 December in 1720 year. Although diplomatic relations were interrupted, trade between the states continued to develop. The trade volume was reduced due to political tensions, which caused significant damage to the economy of England. In this regard, the British began to take active steps to establish diplomatic relations. The analysis of the correspondence between two British diplomats, T. Ward and C. Rondeau, and the Secretary of State of Great Britain, first undertaken in historical science, the author concludes that it was England that initiated the restoration of diplomatic relations, primarily to strengthen the position of the English merchants in Russia. The analysis of the ambassadors' dispatches gives valuable insights as to the strategy and tactics of the British Foreign Office in relation to Russia during the reign of Anna Ioannovna, as well as the motives that guided the diplomats involved in the preparatory process of establishing relations between the countries. The correspondence of the diplomats provides an opportunity to get acquainted with both their official and "secret" intelligence activities, which allows the author identify the true intentions of British diplomacy: to comprehensively study a potential rival which the British imagined Russia to be. It is also of great interest to learn more about how their mission went, what impressions they got from their visit to our country, what assessments they made about the top officials in the administration of the Russian Empire, as well as about the Russian people in general.

Keywords: Great Britain, Russia, the first third of the 18th century, ambassadors, diplomats, trade, ethnic representations.

Англия стала первым государством, с которым Россия установила дипломатические отношения 465 лет назад. Страны прошли сложный и тернистый путь взаимодействия. Нередко между ними возникали открытые военные конфликты (Семилетняя война 1756–1763 гг., Крымская война 1853–1856 гг., участие Великобритании в интервенции в 1918 г.). Порой дело доходило и до разрыва дипломатических отношений. Одно из таких событий произошло при Петре I 14 декабря 1720 г. Причинами тому послужили, с одной стороны, упреки России в отказе англичан признать наше государство империей, с другой – обвинения Великобритании в адрес российского правительства в неофициальных переговорах с Претендентом¹. Легитимный наследник английской короны неоднократно обращался к Петру I с просьбой оказать ему помощь в возвращении престола и прислать 10-тысячное войско, но так и не получил официального ответа². Хотя дипломатические отношения были прерваны, однако торговля между государствами продолжала развиваться³, пусть и не в прежнем объеме, что наносило весомый урон прежде всего экономике Англии. Неудивительно, что именно британцы стали предпринимать активные шаги в деле налаживания дипломатических отношений.

В мае 1725 г., вскоре после кончины Петра I, по случаю которой король Великобритании Георг I Ганновер из Ганноверской династии выразил свои соболезнования его супруге Екатерине I⁴, генеральный консул капитан Джон Дин был направлен в Петербург с официальным поручением (в действительности, как отмечал британский историк Д.Б. Хорн, исключительно с разведывательными целями)⁵. Он высадился в Кронштадте 3 июня 1725 г., но был разоблачен и уже на следующий день выслан из страны. Таким образом, первые попытки англичан добиться восстановления дипломатических отношений потерпели крах.

¹ Претендент – Яков III Стюарт, легитимный наследник английского престола, сын короля Якова II, бежавшего во Францию после Славной революции 1688–1689 гг.

² Подробнее о причинах разрыва дипотношений между странами см.: *Соколов А.Б.* Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль, 1992. С. 202–211.

³ К примеру, об этом можно судить о количестве прибывших в Санкт-Петербург судов из Европы 12 декабря 1722 г. Из 98 судов – 52 принадлежали англичанам // *Britain and Russia in the Age of Peter the Great. Historical Documents.* London, 1998. P. 236.

⁴ *Ibid.* P. 237–238.

⁵ *British Diplomatic Representatives 1689–1789* // ed. D.B. Horn. London, 1932.

Надо отметить, что в последние годы правления Петра I, а затем Екатерины I (1725–1727 гг.) отношения между государствами находились, по определению британского историка М. Андерсона, в состоянии холодной войны, которая в любой момент грозила перерасти в открытое столкновение⁶. В мае 1726 г. британская эскадра из 20 кораблей под командованием адмирала Уоджера заблокировала российский флот у Ревеля. Адмирал переслал Екатерине I грамоту короля Георга I, в которой говорилось, что «сильные вооружения России в мирное время возбудили подозрения в правительстве Англии и в союзниках, и потому ... он, король, отправил в Балтийское море сильную эскадру для предотвращения опасностей, могущих произойти от русских вооружений»⁷. В ответ императрица направила гневное письмо Георгу: «Министры вашего королевского величества никогда не имели прямого намерения к заключению союза между Россией и Англией, и отправление эскадры есть следствие той злобы, которую некоторые из ваших министров в продолжение многих лет постоянно, везде и явно против нас показывают»⁸. Нельзя не признать, что в обвинениях Екатерины I доля истины была. По утверждению Андерсона, памфлетисты, состоявшие на службе у министров, стремились представить Россию в глазах общественного мнения Великобритании как опасную и агрессивную державу, экспансия которой будто бы угрожала англичанам⁹. В то же время императрица не желала окончательно портить отношения с Англией и потому в ответном послании королю предложила его подданным и впредь свободно торговать в России.

В XVIII в. сложилась ситуация, когда Великобритания и Россия, по признанию историка А.В. Демкина, стали необходимы друг другу как экономические партнеры: «Промышленность и флот Великобритании не могли существовать без поставок сырья и полуфабрикатов из России. В то же время никто кроме британских купцов не мог купить у России производимое ею огромное количество экспортных товаров. Возраставший спрос на них вызывал и быстрый рост их предложения»¹⁰. Русское правительство поощряло деятельность английских купцов в своей стране.

25 февраля 1726 г. британское купечество подало на имя Екатерины I прошение снизить пошлины, установленные Таможенным тарифом Петра I 1724 г. для покровительства российским мануфактурам, а также ходатайствовало об облегчении порядка уплаты пошлин и сборов, улучшения условий торговли и кредита, освобождения своих домов от постоев¹¹. Русское правительство пошло на уступки, и в 1726–1727 гг. на некоторые товары пошлины были снижены. Однако для англичан этого было явно недостаточно.

После кончины Екатерины I в мае 1727 г. и последовавшего спустя месяц ухода из жизни Георга I, когда на престол в России вступил внук Петра I – Петр II, а королем Великобритании стал Георг II, появилась реальная возможность наладить отношения между двумя государствами. И вскоре на конгрессе в Суассоне представители обеих сторон приступили к обсуждению вопроса о восстановлении дипломатических отношений. Летом 1728 г. два английских дипломата Т. Уорд и его секретарь К. Рондо прибыли в Петербург. Задача их миссии, на взгляд историка А.Б. Соколова, состояла в сборе информации о России¹². Но только ли этим ограничивалась деятельность дипломатов? На наш взгляд, дипломаты в первую очередь все же стремились добиться возобновления утерянных преференций в торговле. О том, как проходила подготовка к переговорам о восстановлении дипломатических и в полном объеме торговых отношений с Россией,

⁶ Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553–1815. London, 1958. P. 108.

⁷ Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. X. Т. 19. М., 1993. С. 23.

⁸ Там же. С. 23–24.

⁹ Anderson M.S. Op. cit. P. 109.

¹⁰ Демкин А.В. Русско-британские торговые отношения в XVIII веке: сб. док. М., 1994. URL: <http://drevlit.ru.docs/england/XVIII/1720...pred8ae9.php> (дата обращения: 16.02.2021).

¹¹ Там же.

¹² Соколов А.Б. Указ. соч. С. 211.

и пойдет речь в нашей статье. Заметим, что данный сюжет в освещении участников переговорного процесса — самих британских дипломатов — прежде не являлся предметом специального исследования историков.

Надо сказать, что сведений о прибывших дипломатах сохранилось немного. Известно, что генеральный консул Великобритании Томас Уорд (1673—1731) происходил из аристократической семьи. Его отец был главный барон Казначейства сэр Эдвард Уорд. Прибыв в Петербург в 1728 г., Томас Уорд получил верительные грамоты и спустя два года стал английским министром-резидентом. В поездке Уорда сопровождала супруга Джейн (в девичестве Гудвин), которая после кончины Томаса в 1731 г. вышла замуж за его секретаря Клавдия Рондо.

Клавдий Рондо (1695—1739) родился в семье французского протестанта, который поселился в Англии и вскоре сделался английским баронетом. Рондо оставался на должности секретаря Уорда вплоть до смерти последнего в феврале 1731 г. В 1730—1731 гг. он занял должность главного консула, а с 1731 по 1739 г. являлся министром-резидентом при дворе императрицы Анны Иоанновны. Он также приобрел известность как автор «Записки о некоторых вельможах русского двора в 1730 году». В ней Рондо представил характеристики государственных деятелей, с которыми ему довелось близко общаться (Г.И. Головкин, М.М. и Д.М. Голицыны, А.И. Остерман, П.И. Ягужинский, И.Ю. Трубецкой и др.)¹³.

Прием, оказанный англичанам в Петербурге, после «скучного и утомительного путешествия», продлившегося целый месяц, превзошел все ожидания дипломатов. В Петербурге «английская колония и местный губернатор граф Миних приняли Уорда гораздо любезнее, чем можно было ожидать», сообщил в Лондон Рондо государственному секретарю лорду Таунсенду¹⁴. Заметим, что все донесения министру, как правило, писал именно Рондо. Что касается самого Уорда, то он предпочитал оставаться в тени, что видно из его приписки к письму секретаря от 7 августа 1728 г. «Милорд! — обращался он к лорду Таунсенду. — Позвольте прибавить несколько строк ...и засвидетельствовать, что такова действительно сущность всего, что мы могли разведать со времени нашего приезда в Петербург. Вы по возможности часто будете получать отсюда письма такого рода. Хотя впредь их — во избежание неприятных для меня и моей семьи недоразумений — будет подписывать один Рондо, будьте уверены, что заключающиеся в них сообщения явятся результатом соединенных усилий наших собрать возможно точные сведения»¹⁵. Как видно, дипломаты, едва прибыв в Россию, занялись сбором данных о стране пребывания. Рондо подчеркивал, что вел себя, согласно данным королем инструкциям, «крайне скромно», но при этом «с большим вниманием прислушивался ко всему, что говорится, из разговоров с людьми»¹⁶.

Какая же информация интересовала британских дипломатов? Прежде всего это расстановка политических сил в государстве. Рондо отмечал, что теперь, при Петре II, в большом почете царевна Елизавета Петровна. «Она очень красива и, кажется, любит все, что государю по нраву: танцы и охоту. Охота — господствующая страсть царя... Пока Елизавета Петровна... в государственные дела не мешается, вполне отдаваясь веселью, всюду неотлучно следуя за молодым государем». Рондо отметил, что особенным расположением императора пользуется князь Долгорукий, молодой человек лет 20: «С ним государь проводит дни и ночи, он единственный неизменный участник всех — очень

¹³ Записка о некоторых вельможах русского двора в 1730 году // Чтения московского общества истории и древностей. Кн. II. СПб., 1861. С. 1—19.

¹⁴ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник императорского российского исторического общества. Т. 66. СПб., 1889. С. 2—3.

¹⁵ Там же. С. 6.

¹⁶ Там же. С. 3.

частых – разгульных походов императора»¹⁷. Свою лепту в характеристику Петра II внес и Томас Уорд. «Здесь втайне повторяют слухи, будто Его Величество в Москве заболел. Болезнь эта, вероятно, является последствием беспорядочной жизни, которой молодой монарх... предается со всем пылом юности и бесконтрольной власти»¹⁸. Примечательно, что, сообщая в Лондон об императоре и его придворных, сами дипломаты этих людей лично еще не видели, поскольку продолжали оставаться в Петербурге, тогда как Петр II вместе со своим двором пребывал в Москве. Скорее всего, подобные сведения Рондо и Уорд добывали из бесед с придворными либо от дипломатов других стран, оставшихся в Петербурге.

Впрочем, дипломаты не ограничивались только слухами. Так, Рондо активно включился в сбор разведанных о российском флоте. Он охотно согласился на приглашение известного английского корабельного мастера Ноя сопроводить его в Кронштадт «для осмотра некоторых ветшающих кораблей». «Я с удовольствием принял... приглашение, надеясь на время поездки услышать и увидеть, в каком положении теперь находится русский флот», – извещал Рондо государственного секретаря в депеше от 26 августа 1728 г. и далее подробно описывал свои впечатления. Не успели они прибыть в Кронштадт, как комендант крепости адмирал Гордон любезно пригласил их на обед. «За столом они (Ной и Гордон. – Т.Л.) довольно откровенно толковали о своем морском деле, признавая во мне, вероятно, человека ничего в нем не понимающего, т.к. обыкновенно очень осторожны в разговорах с иностранцами», – отмечал Рондо. Однако он слушал беседу «очень внимательно», потому многое запомнил. Дипломат сообщал, что русская постройка судов отличается от английской (русский линейный корабль длиннее и шире английского корабля, что, на взгляд собеседников, делает их лучше английских судов). При этом Ной и Гордон признавали, что русские корабли могут прослужить не более 10 лет. В то время в Кронштадте, по свидетельствам Рондо, находилось примерно 26 линейных кораблей, и все они «с виду прекрасны, но не все годны для службы: одни признаны вполне негодными, другие требуют починки»¹⁹.

Серьезную причину неподготовленности судов к службе Рондо усматривал также в недостатке людей в экипажах («людей не хватает и на половину наличных судов»). Поэтому он был уверен, что при их встрече на море 10 английских линейных кораблей «будет достаточно для уничтожения всего русского флота». Рондо считал, что русские постараются избегать подобных встреч и «не захотят мерить силу своих кораблей в борьбе с кораблями Его Королевского Величества»²⁰.

На взгляд Рондо, важными для официального Лондона могли стать списки, добытые им, «хотя и не без затруднений», всех линейных кораблей и галер царского флота с информацией о том, «как они построены, как велики, в каком состоянии ...находятся»²¹. Заметим, что в своих донесениях Рондо регулярно сообщал о состоянии дел на флоте и в армии, что прямо указывает на характер его деятельности в России²².

Обращаясь к состоянию дел в государственном управлении Российской империи, Рондо отмечал, что «никакой определенной системы управления нет, никаких жалоб не слушают». Царь думает исключительно о развлечениях и охоте, а его сановники о том, «как бы сгубить один другого». Всеми делами занимается исключительно барон Остерман, и без него русский двор не может ступить ни шагу. Когда ему неудобно явиться в заседание Совета, продолжал Рондо, он сказывается больным, а раз барона Остермана нет – оба Долгорукие, адмирал Апраксин, граф Головкин и князь Голицын в затруднении: «они посидят

¹⁷ Там же. С. 4.

¹⁸ Там же. С. 7.

¹⁹ Там же. С. 10.

²⁰ Там же. С. 11.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 20, 23, 35.

немного, выпьют по стаканчику и принуждены разойтись; затем ухаживают за бароном, чтобы разогнать дурное расположение его духа, и он, таким образом, заставляет их соглашаться с собою во всем, что пожелает»²³. По мнению Рондо, царь хотя и ценит барона, но чувствует себя с ним связанным, видя в нем кого-то вроде наставника, а «такие отношения юным монархам не всегда по сердцу»²⁴.

14 октября 1728 г. Уорду доставили послание от короля, адресованное Петру II. А.И. Остерман его тотчас переправил в Москву. В ответном письме Георгу II царское правительство выражало надежду установить прочную дружбу с Великобританией (хотя очень желало, чтобы первый шаг к примирению был сделан англичанами). «Если такое примирение благополучно совершится, — сообщал в Лондон Рондо, — оно окажется весьма выгодным для подданных его величества, торгующих в России»²⁵.

Как видно, в стремлении быстрее наладить отношения с Россией у англичан на первом месте стояла цель возобновления выгодной для них торговли. Британский историк Д. Хорн утверждал: именно английская сторона была наиболее заинтересована в возобновлении торгового договора. По его данным, с 1700 по 1722 г. вывоз товаров из России в Англию возрос с 124 220 ф. ст. до 1 110 093 ф. ст., тогда как ввоз товаров увеличился лишь в два раза: с 76 784 ф. ст. до 145 123 ф. ст. Именно поэтому британское правительство, чтобы добиться увеличения импорта английских товаров, было заинтересовано в заключении торгового договора с Россией, считал историк²⁶.

Поскольку царский двор не торопился возвращаться в Петербург, Уорд, полагая, что его присутствие в Москве поможет содействовать успехам в переговорах о торговле, решил съехать в столицу в конце декабря 1728 г. В поездке его сопровождали секретарь и супруга, которая описала их путешествие. На англичанку произвели большое впечатление прежде всего сани. На ее взгляд, они напоминали колыбель, сделанную из дерева и покрытую кожей: «в них ложатся, как в постель, одевшись и покрывшись мехами». Единственный недостаток саней Джейн усмотрела в том, что в них может помещаться только один человек, «что весьма неприятно, так как не с кем побеседовать»²⁷. На постоялом дворе, где меняли лошадей, супругам выделили «маленькую и дымную комнату», и им пришлось перекусить лишь взятыми с собой припасами. Рондо отмечал, что подобное путешествие по России в зимнее время сопряжено с чрезвычайными расходами, и надеялся, что ведомство их дипломатам компенсирует.

Путешественники прибыли в Москву 13 марта 1729 г., и вскоре Уорд встретился с канцлером графом Г.И. Головкиным. «Граф принял его очень любезно, — свидетельствовал Рондо, — и сказал, что искренно желал бы установить между Англией и Россией взаимовыгодные отношения». Прием, оказанный британцам, вселил в них надежду на удачный исход миссии. «Все предвещает нам успех: если можно полагаться на общие единогласные уверения — царский двор желает жить с Англией в согласии и дружбе и не питает по отношению к ней ни малейшего неудовольствия», — констатировал Рондо. В подтверждение своих слов он приводил недавно изданный закон, запрещающий покупку прусского сукна, означавший, по его мнению, что сукно впредь будут приобретать у англичан, поскольку «ни в какой другой стране требуемого для русской армии солдатского сукна не выделяют»²⁸.

На обороте письма Рондо Уорд от себя добавил, что виделся с бароном Остерманом, который попытался обсудить причины, вызвавшие охлаждение в отношениях двух

²³ Там же. С. 18.

²⁴ Там же. С. 19.

²⁵ Там же. С. 28.

²⁶ *Horn D. Great Britain and Europe in the Eighteenth Century. Oxford, 1967. P. 215.*

²⁷ Письма леди Рондо (жены английского резидента при русском дворе в царствование Анны Ивановны) // Записки иностранцев о России в XVIII столетии. Т.1. СПб., 1874. С. 6.

²⁸ Дипломатическая переписка... С. 39.

стран. В ответ на это консул заметил, что не имеет инструкций, которыми мог бы руководствоваться «для пересмотра прошлого», и что король поручил ему исключительно заботу о торговых делах британских подданных. Далее он посетовал на то, что пошлины, взимаемые с английских товаров, слишком высоки. Тут барон сознался, что мало знаком с данным вопросом, но изъявил готовность поддержать предложения консула, поскольку очень желал, чтобы сношения Великобритании с Россией установились к обоюдной выгоде обеих стран. Уорд остался доволен беседой и выразил надежду, что ему удастся «установить более тесную связь между Великобританией и Россией» и «возвратить английским купцам «ценную отрасль торговли шерстяными товарами»²⁹.

Сообщение Уорда было передано королю. Как утверждал Таунсенд, Георгу II «приятно было услышать о добром расположении московского двора жить с ним в дружбе». Государственный секретарь подчеркнул, что король «вполне одобрил» разговор консула с Остерманом и рад, что этот министр сочувствует сближению интересов Великобритании и России. Со своей стороны, Георг также «дружественно относится к царю и желает развития старинной приязни между Россией и Англией»³⁰.

Надо отметить, что, пробыв несколько месяцев в Москве, Томас Уорд составил далеко не лестные впечатления о России и русских людях. «Перемены, совершенные в России за последнее тридцатилетие, почти ничего не изменили в природных наклонностях русского народа: он также равнодушно, даже с отвращением относится ко всякому делу; здесь всякое дело едва начинается тогда, когда бы уже следовало кончать его... Морское дело остается по-прежнему в пренебрежении, и большинство знатных русских, служивших во флоте, оставили эту службу»³¹.

Уорд признал неудовлетворительным состояние дел в управлении государством: «Вблизи государя нет ни одного человека, способного внушить ему надлежащие, необходимые сведения по государственному управлению, ни малейшая доля его досугов не посвящается совершенствованию его в познании гражданской или военной дисциплины. Часы, свободные от верховой езды, охоты, развлечений, проводит в слушании пустых рассказов о том, что случилось с таким-то или таким-то». На взгляд Уорда, единственный деловой человек — это Остерман, и он «завален работой». «Человек по природе любящий свободную, откровенную беседу, общество — он вечно погружен в текущие дела, даже в редкие часы досуга»³².

Свою характеристику барону Остерману также дал Рондо. Хотя президентом коллегии иностранных дел являлся граф Головкин, по мнению Рондо, «честный и благонамеренный старик, но не великий министр», который очень желал бы жить с англичанами в мире, иностранными делами занимается исключительно Остерман: «он один из всех министров что-нибудь понимает в этих делах». Рондо полагал, что барона Остермана будет «легко склонить» к дружбе с англичанами: «Меня уверяли, будто в кружке близких друзей он не раз говаривал, что очень желал бы процветания торговли с Англией. Он, конечно, много может помочь нам, но в то же время окажет услугу отечеству. Потому что для России ни одна отрасль торговли не приносит столько выгод, как торговля с Англией»³³.

Примечательно, что Рондо обращал внимание на неподкупность Остермана. «Барон Остерман — человек, по общим отзывам, неподкупный, недавно отказался принять поместье в Пруссии, приносящее тыс. 6 крон ежегодного дохода и принадлежавшее князю Меншикову. Король прусский намеревался подарить его барону, вероятно, в надежде, что за то его превосходительство склонит русское правительство одевать армию

²⁹ Там же. С. 40–43.

³⁰ Там же. С. 44.

³¹ Там же. С. 56, 59.

³² Там же. С. 56.

³³ Там же. С. 48.

в прусское сукно, но здесь, кажется, решились впредь закупать только сукно английское, которого одному купцу уже и заказано около 75 000 ярдов. Это только начало, — вскоре понадобится его вдесятеро более», — сообщал Рондо³⁴.

В июле 1729 г. Уорд перебрался в Петербург, оставив своего секретаря в Москве. В одном из посланий Таунсенду он характеризовал Рондо как «человека усердного к королевской службе, очень деятельного и прилежно исполняющего все, что бы ни возложили на него»³⁵.

В Москве Рондо продолжал собирать информацию обо всем, что могло заинтересовать официальный Лондон. Так, он сообщил, что Россия заключила трактат с Персией, благодаря которому для нее открывается возможность торговли с Индией, а, следовательно, англичане лишатся выгоды, поскольку русские купцы «в состоянии будут дешево снабжать север индийскими товарами». В этой связи Рондо предлагал своему правительству «израсходовать ...незначительную сумму» на подкуп чиновников, чтобы остановить развитие этой торговли. На его взгляд, в России «деньгами достигнуть можно чего угодно»³⁶.

Общаясь с английскими купцами в Москве и Петербурге, Уорд убедился, что, несмотря на все сложности, торговля с Россией очень выгодна для Великобритании. Наиболее выгодной представлялись торговля корабельным лесом, шерстяными товарами и сукном для русской армии. Уорд считал, что необходимо как можно быстрее заключить с Россией торговый договор, причем отмечал, что первые шаги в этом направлении следует сделать английской стороне: «Русские никогда не поверят, чтобы мы нуждались в торговле с ними менее, чем они в торговле с нами. Они еще помнят — хотя довольно смутно — о некоторых неприятностях, которые когда-то потерпели от Англии, потому будут ожидать первого шага с нашей стороны»³⁷.

Еще не получив официального статуса при императорском дворе, Уорд и Рондо начали вести подготовительную работу, направленную к заключению торгового договора. Между тем на их пути возникли конкуренты. Так, в одном из донесений в Лондон Рондо сообщал, что «королю прусскому удалось склонить здешнее правительство на покупку около 187 500 ярдов прусского сукна». Это оказалось непростым делом, и для достижения результата королю Пруссии пришлось написать три «почти просительных» письма барону Остерману и одно фельдмаршалу князю Долгорукому. Прусские купцы были благодарны королю. Без его вмешательства, по мнению Рондо, «русское правительство не купило бы ни ярда сукна для обмундирования своей армии ни у кого, кроме англичан»³⁸.

Не только Пруссия, но и Австрия представлялась для англичан нежелательной помехой в деле налаживания торговых отношений с Россией. В донесении Таунсенду от 12 января 1730 г. Рондо выражал крайнюю обеспокоенность активностью императора Австрии и предлагал руководству «отвлечь» русского царя от императора, полагая, что это предоставит Англии «широкие преимущества, восстановив для нее свободную торговлю с Россией»³⁹.

Тем временем император Петр II в конце декабря 1729 г. направил в Англию грамоту о своем обручении с княжной Екатериной Долгорукой. Знаменательное событие состоялось 28 декабря 1729 г. Супруга Уорда подробно описала происходящее. «Все лица высшего круга были приглашены и, собравшись, сели на скамейках в большой зале: с одной стороны государственные сановники и знатные русские, с другой — иностранные министры и знатные

³⁴ Там же. С. 70.

³⁵ Там же. С. 30.

³⁶ Там же. С. 99.

³⁷ Там же. С. 105–106.

³⁸ Там же. С. 115.

³⁹ Там же. С. 123.

иностранцы, — повествовала Джейн. — В глубине залы был поставлен балдахин и под ним два кресла, а перед креслами аналой, на котором лежало Евангелие. Много духовенства стояло с каждой стороны аналая. Когда все разместились, император вошел в залу и говорил со многими лицами; княжну с матерью и сестрой привезли в императорской карете из помещения, которое ей было отведено»⁴⁰. Император встретил невесту в зале, препроводил ее к одному из кресел, а в другое сел сам.

Джейн описала внешний вид и наряд невесты: платье «плотно обхватывающее ее стан» из серебряной ткани; волосы, расчесанные на четыре косы, убранные «большим количеством алмазов», на голове — маленькая корона. Англичанка обратила внимание на то, что невеста была невесела, «имела вид скромный, но задумчивый и лицо бледное». По ее словам, Петр II был «высокого роста и очень полон для своего возраста ...ему только 15 лет; он бел, но очень загорел на охоте; черты лица его хороши, но взгляд пасмурен, и, хотя он молод и красив, в нем нет ничего привлекательного или приятного. Платье его было светлого цвета, вышитое серебром»⁴¹.

Однако, как известно, помолвка императора не завершилась свадьбой. 19 января 1730 г., в день, назначенный для торжества, юный император скончался от оспы. Поскольку преемника после себя Петр II не оставил, то правительству пришлось срочно решать вопрос о наследнике трона. И вскоре остановились на кандидатуре герцогини курляндской, дочери брата Петра I — Анне Иоанновне.

Воцарение на русском престоле новой правительницы мало что изменило в положении британских дипломатов. Уорд по-прежнему оставался в статусе консула в Петербурге. Рондо отправлял свою службу в Москве. Нанося визит барону Остерману, обсуждал с ним сложившиеся отношения между Великобританией и Россией. «Я, ваше превосходительство, — обращался он к лорду Таунсенду, — полагаю, что русские действительно желали бы войти с нами в разумные отношения, но как приступить к ним — изыскать приходится вам: мне самым определенным образом приказано не делать никаких предложений, потому не могу ступить ни шагу далее»⁴².

Чаще всего разговор с Остерманом касался торговли двух стран. Рондо употребил, по его словам, «все старания», чтобы показать барону, насколько России выгодно поощрять торговые сношения с Англией в сравнении с другими странами. Рондо доказывал, что англичане вывозят товаров из России больше, чем ввозят, следовательно, выплачивают государству значительные суммы наличными деньгами, т.е. «доставляют России именно ту выгоду, которой обыкновенно домогаются государства»⁴³. Барон согласился, что торговля Англии с Россией выгодна для обеих сторон, и обещал, что примет это во внимание. При расставании барон заявил, что всегда рад видеть дипломата и выражал надежду, что они смогут познакомиться поближе. Обращение Остермана было «так любезно, ласково», что убедило англичанина в возможности заслужить его расположение, которое, на взгляд Рондо, может оказаться очень выгодным для Англии. Единственное, что сдерживало Рондо, это отсутствие указаний от руководства по поводу того, как ему держаться, «дабы наилучшим образом воспользоваться благоприятным началом»⁴⁴.

28 апреля 1730 г. состоялась церемония коронации императрицы Анны Иоанновны. «Никогда здешний двор не был так блистателен, как в этот день, — свидетельствовал Рондо. — На следующий день после полудня все иностранные уполномоченные с большой торжественностью приняты были в общей аудиенции... 1 мая все они приглашены были к Ее Величеству на большой обед, сервированный в саду Летнего дворца. После обеда был бал, продолжавшийся недолго, так как около 11 часов государыня объезжала

⁴⁰ Письма леди Рондо... С. 16.

⁴¹ Там же. С. 16, 18.

⁴² Дипломатическая переписка... С. 175.

⁴³ Там же. С. 175–176.

⁴⁴ Там же. С. 178.

главные улицы столицы, дабы осмотреть иллюминацию, устроенную некоторыми министрами перед их домами»⁴⁵.

В это же время в Москву возвращается Уорд. В мае он сообщал Таунсенду, что имел две-три беседы с графом Остерманом⁴⁶. Консул был «очень рад слышать о склонности русского двора поддерживать и по возможности развивать старинную дружбу и близость, столь долго существовавшую между обеими нациями». Со своей стороны, Остерман выразил надежду, что по завершении коронационных празднеств «дела примут надлежащее течение, и все устроится согласно нашим желаниям»⁴⁷.

Между тем коронационные празднества продолжались восемь дней. «Во все время двор являлся в чрезвычайном блеске, — свидетельствовал Уорд, — в заключение же празднества сожжен был фейерверк, которого, пожалуй, не превзойти где бы то ни было на белом свете, — такова высшая степень цивилизованной роскоши, достигнутая Россией в непродолжительное время»⁴⁸.

25 января 1731 г. Рондо известил государственного секретаря о кончине консула Уорда. Он просил лорда Гаррингтона, сменившего на посту государственного секретаря Таунсенда, довести до сведения короля, что готов занять освободившуюся должность. При этом он добавил, что провел в России почти три года, «тратя все свое содержание на одни почтовые расходы, не говоря уже об издержках, в которые повлекли... необходимые сношения... Здесь без денег ничего не делается»⁴⁹.

Рондо был официально назначен резидентом Великобритании в России 31 августа 1731 г. С этого времени началась его работа в новом статусе. Король Георг II направил ему свои указания: «Вместе с этими нашими инструкциями вы получите наши кредитивные грамоты к доброй сестре нашей, царице, уведомляющие ее о назначении вас резидентом нашим при дворе ее. Мы отправили вам и соответствующие кредитивы наши в уверенности, что монархиня эта со своей стороны тоже охотно даст нам доказательство доброго своего расположения жить с нами в дружбе, немедленно назначив подходящее лицо своим представителем при нашем дворе»⁵⁰.

4 ноября Рондо уведомил лорда Гаррингтона о назначении императрицей молдавского князя Антиоха Кантемира резидентом в Англию. Рондо вспоминал, что Кантемир как-то обедал у него вместе с графом Остерманом и другими знатными особами. «Князь кажется очень молодым, но он человек здравомыслящий, говорит по-французски и на нескольких других языках. На мое замечание по поводу его молодых лет, граф Остерман отвечал ...что он человек весьма достойный, что молодость его... не помешает ведению дел между дворами русским и великобританским»⁵¹. Надо признать, что выбор императрицы действительно оказался удачным. Князю Кантемиру доведется сыграть важную роль в налаживании российско-британских отношений. Как отмечал историк А.Б. Соколов, «Кантемир стремился к тому, чтобы склонить английское общественное мнение к поддержке англо-русского сближения. Это было непростым делом, так как подавляющее большинство англичан представляли себе Россию как страну, где царит беззаконие и произвол властей, где понятие “право человека” вовсе отсутствует... Деятельность Кантемира... способствовала повороту в общественном мнении и изменению отношения к России»⁵².

В депеше лорду Гаррингтону Рондо сообщал, что вручил графу Остерману копии своих верительных грамот и просил о назначении ему аудиенции у государыни. 11 ноября

⁴⁵ Там же. С. 185–186.

⁴⁶ Графский титул барон Остерман получил после коронации императрицы Анны Иоанновны.

⁴⁷ Дипломатическая переписка... С. 189, 190.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 281.

⁵⁰ Там же. С. 360–361.

⁵¹ Там же. С. 392.

⁵² Соколов А.Б. Указ. соч. С. 217.

около 11 часов дипломат прибыл во дворец, где его встретил вооруженный караул. «Меня с обычными церемониями и со всевозможным почетом ввели в апартаменты Ее Величества, — описывал Рондо официальную церемонию приема. — Государыня стояла под балдахином; налево от нее стояли дамы (их было очень много), справа — все министры и многие генералы. Отдав поклоны со всей ловкостью, на которую был способен, я произнес прилагаемую речь без всякой запинки, что самого меня очень удивило, так как это первая речь, когда-либо мною публично произнесенная. Передав Ее Величеству свои кредитивы, я имел честь поцеловать ее руку, а граф Остерман именем государыни произнес прилагаемый ответ. Ввиду того, что при здешнем дворе никто по-английски не понимает, некоторые друзья посоветовали мне обращаться к Ее Величеству на французском языке»⁵³.

В своей речи Рондо заявил следующее: «Государыня! С глубочайшим и величайшим почтением имею честь приблизиться к Вашему Императорскому Величеству, дабы именем короля... засвидетельствовать о высоком уважении, которое Его Величество питает к священной особе вашей, и о великом значении, которое он придает дружбе вашей, а также дабы дать вам самые очевидные доказательства твердой решимости Его Великобританского Величества по мере сил поддерживать и развивать добрую дружбу и близкие отношения в течение двух веков, установившиеся между Великобританией и Россией». Дипломат заверял: король надеется, что императрица пожелает со своей стороны «содействовать теснейшему скреплению старинной дружбы, которая, помимо прочих обоюдных выгод, повлечет за собой процветание торговли». В заключение Рондо добавил, что провел в России около четырех лет, и благодарил императрицу «за милостивое покровительство», которым пользовался во время своего пребывания в стране. «Буду всегда вспоминать о нем с живейшей благодарностью и прошу Ваше Императорское Величество быть уверенной, что я постоянно всем сердцем буду стремиться к поддержанию совершенного единения между обоими дворами»⁵⁴. Подобная речь показалась самому Рондо излишне напыщенной, но, как он полагал, «после стольких лет холодных отношений между дворами великобританским и русским было почти необходимо выказать любезности более, чем придется выказывать ее впредь»⁵⁵.

Так в 1731 г. произошло восстановление дипломатических отношений между Великобританией и Россией. Клавдий Рондо занял должность главного консула. Своей основной целью, «согласно инструкциям Его Величества», теперь он считал заключение торгового трактата между Великобританией и Россией, хотя и опасался, что уладить это дело окажется нелегко, так как, на его взгляд, русский двор «не имеет надлежащих понятий о торговле и, пожалуй, заподозрит, что такой договор будет ему невыгоден»⁵⁶. Однако, как показали дальнейшие события, торговый договор был заключен в 1734 г., и немалую роль в его подготовке довелось сыграть именно Клавдию Рондо.

Как показал анализ дипломатической переписки британских дипломатов при дворе Петра II и Анны Иоанновны с государственным секретарем, именно английская сторона явилась инициатором возобновления дипломатических отношений между странами. Причиной тому послужило прежде всего стремление активизировать выгодную для экономики Англии торговлю с Россией. Хотя в восстановлении дипломатических отношений с Великобританией не менее была заинтересована и Российская империя, переговорный процесс проходил непросто и занял несколько лет в силу ряда как объективных, так субъективных причин (смена монархов на российском престоле, нестабильность в государственном управлении империи, воспоминания российской элиты о недружественной политике англичан в последние годы правления Петра I и в царствование

⁵³ Дипломатическая переписка... С. 391.

⁵⁴ Там же. С. 394–395.

⁵⁵ Там же. С. 392.

⁵⁶ Там же. С. 392–393.

Екатерины I). Анализ депеш британских дипломатов позволил составить представление о том, как проходили не только их официальная миссия, но и «тайная» разведывательная деятельность. Содержащиеся в переписке дипломатов их впечатления о нашей стране, оценки первых лиц в управлении империи и о русском народе в целом расширяют знания наших современников о России первой трети XVIII в. Учитывая, что дипломатическая переписка носила официальный характер, можно утверждать, что представленная в ней информация чаще всего носила объективный характер, а потому данный документ может в полной мере служить достоверным источником как о деятельности британских дипломатов в нашей стране, так и о России в постпетровскую эпоху.

Библиография

Демкин А.В. Русско-британские торговые отношения в XVIII веке: сб. док. М., 1994. URL: <http://drevlit.ru.docs/england/XVIII/1720...pred8ae9.php> (дата обращения: 16.02.2021).

Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник императорского российского исторического общества. Т. 66. СПб., 1889.

Записка о некоторых вельможах русского двора в 1730 году // Чтения московского общества истории и древностей. Кн. II. СПб., 1861. С. 1–19.

Письма леди Рондо (жены английского резидента при русском дворе в царствование Анны Ивановны) // Записки иностранцев о России в XVIII столетии. Т. 1. СПб., 1874.

Соколов А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль, 1992.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. X. Т. 19. М., 1993.

Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553–1815. London, 1958.

Britain and Russia in the Age of Peter the Great. Historical Documents. London, 1998.

British Diplomatic Representatives 1689–1789 / ed. D.B. Horn. London, 1932.

Horn D. Great Britain and Europe in the Eighteenth Century. Oxford, 1967.

References

Demkin A.V. Russko-britanskiye torgovyye otnosheniya v XVIII veke: sb. dok. [Russian-British trade relations in the 18th century: collection of documents]. Moskva, 1994. URL: <http://drevlit.ru.docs/england/XVIII/1720...pred8ae9.php> (access date: 16.02.2021). (In Russ.)

Diplomaticheskaya perepiska angliyskikh poslov i poslannikov pri russkom dvore [Diplomatic correspondence of British ambassadors and envoys at the Russian court] // Sbornik imperatorskogo rossiyskogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Т. 66. Sankt-Peterburg, 1889. (In Russ.)

Zapiska o nekotorykh vel'mozhakh russkogo dvora v 1730 godu [A note about some noblemen of the Russian court in 1730] // Chteniya moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey. Kn. II [Readings of the Moscow Society of History and Antiquities. Book II]. Sankt-Peterburg, 1861. S. 1–19. (In Russ.)

Pis'ma ledi Rondo (zheny angliyskogo rezidenta pri russkom dvore v tsarstvovanii Anny Ivanovny) [Letters from Lady Rondo (the wife of an English resident at the Russian court during the reign of Anna Ivanovna)] // Zapiski inostrantsev o Rossii v XVIII stoletii. T. 1 [Notes of foreigners about Russia in the 18th century. Vol. 1]. Sankt-Peterburg, 1874. (In Russ.)

Sokolov A.B. Navstrechu drug drugu. Rossiya i Angliya v XVI–XVIII vv. [Towards each other. Russia and England in the 16th–18th centuries]. Yaroslavl', 1992. (In Russ.)

Solov'ev S.M. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. Kn. X. T. 19 [History of Russia since ancient times. Book X. Vol. 19]. Moskva, 1993. (In Russ.)

Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553–1815. London, 1958.

Britain and Russia in the Age of Peter the Great. Historical Documents. London, 1998.

British Diplomatic Representatives 1689–1789 / ed. D.B. Horn. London, 1932.

Horn D. Great Britain and Europe in the Eighteenth Century. Oxford, 1967.